

САМОДИЙСКИЕ И УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.51; 81'37; 003; 81'22

В. В. Быконя

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕЛЬКУПСКИХ ГЕНОНИМОВ И ИХ РЕФЛЕКСЫ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА¹

В статье прослежена связь наименований селькупских родов с именами мифических предков. Установлено, что имя мифического предка становится центром семантического гнезда, в пределах которого происходят семантические деривации. Связь рода со своим мифическим предком сохраняется, через имя рода оно переносится на представителя флоры или фауны и продолжает жить как тотем.

Ключевые слова: селькупский язык, геноним, мифический предок, семантическая деривация, табу.

Исследование этнонимии находится в центре внимания не только современной уралистики (см. [1–10]). Особенно актуальным является вопрос о внутренней форме слова, пути формирования генонима, возможности его трактовки. Предмет данного исследования составил ряд наименований родов/племен, которые вошли в селькупский (остяко-самоедский) этнос, если считать его в этническом плане неоднородным. Как показывают результаты исследования языковой и мифологической картины мира, истоки формирования этноса уходят вглубь истории, обладают широкими связями с другими этносами Сибири, Алтая, Забайкалья.

Генонимы имеют сложную природу: они включают компонент со значением 'человек', который занимает финальную позицию в структуре генонима, и компонент, являющийся собственно самоназванием. В свою очередь первый компонент является исторически сложным словом и подвергается в процессе развития языка изменению – семантическому выветриванию, переходу в наименование тотема. Таким образом, генонимы отражают тот или иной этап в развитии семантической системы языка. Материальное совпадение в синхронии с одноязычными словами дает возможность трактовкам самоназваний «земляной человек», «лесной человек», «человек с пупом», ср. таз. *sölkup* и *šölkup* 'селькуп' и об. Ш, Ч, вас., тым. *šöl* 'пуп'. Но материального совпадения слов недостаточно, необходим этимологический анализ и комплексные знания других наук. Как показывают исследования фитонимической, зоонимической, соматической лексики, ее формирование шло через аллегории, метафору, метонимию и другие образные средства на базе лексики, отражавшей внутриродовые/вну-

триобщинные отношения. Но и терминологическая система родства и свойства эти отношения передает описательно, иносказательно, поскольку ведущими являются средства выражения мифологических представлений. В силу вступает табу.

На примере следующих генонимов - *sažgum*, *piŋgikum* (южнодиалектный ареал) и *šölkup*, *sojgum* (севернодиалектный ареал) представим методику анализа, используемую нами в предлагаемом исследовании. Она заключается в морфемном членении слова и соотнесении его компонентов либо с самостоятельными словами, либо с компонентами слов с ярко выраженными семантическими признаками. Для достижения поставленной цели мы составляем ряды, объединенные консонантными элементами и различающиеся вокалическим элементом. Ряды составляются с учетом общего семантического содержания и регулярных звуковых соответствий.

1. Геноним *sažgum* 'остяк'. Морфемное членение слова на компоненты *saž-gum* позволяет провести этимологический анализ первого из них с опорой на внутренние средства языка, под которыми мы понимаем богатый диалектный материал. Для сопоставления привлекаем следующий лексический пласт: тым. *sod'-igu*, *sož-gu* 'вырасти (о растениях, о волосах)'; тур. *soč'imbiqo* 'порости', 'быть поросшим'; об. С *soč'ku* 'вырасти', 'зацвести'; *saži*; кет. *sättšu*, *sätšu*, *sätču*; об. Ш *sadžu*; тур., ел. *sottj* 'лен (остяцкий)', 'конопля', 'крапива'; об. С *soc'ka* 'хороший', 'теплый'; *sod'igaj* 'хороший', 'ясный', 'добрый'; ЮСС *sād-ika kija-gom* 'младенец'. Первое, на что обращаем внимание, так это на понятие «волосы Матери-Земли», которое в мифологической картине мира соединяется с мифи-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ. Проект № 11-14-70006а/Т «Исследование лексической системы селькупского языка в становлении и развитии».

ческим предком «волосатая земля». Лексема «лен (остяцкий)» является фитоморфным божеством, в котором «живет» дух мифического предка «земля». Иносказанием для божества является *sod'igaj* 'хороший', 'ясный', 'добрый'. Второй фактор, а именно долгота гласного, является свидетельством фонетических изменений, имевших место на стыке морфем, что позволяет поделить первый компонент генонима на составляющие *sa-et-tšu*, *sa-od-žu* (ср. юж. *māt*, сев. *moat*, *moon* 'дом'; юж. *qāzira*, сев. *qoasiri* 'кедровка').

Первые два компонента *sa-ed*, *sa-od*, *sa-ǰd* были изначально самостоятельными словами со значениями 'мифический предок «земля»=женский дух', ср. кет. *atta* 'старшая сестра моей матери'; *adə* 'мать отца'. В них заложена идея рождения, продолжения рода. Она нашла воплощение в лексемах *saži* 'лен'; *sod'-igu*, *sož-gu* 'вырасти (о растениях, о волосах)'. Лексема 'лен (остяцкий)' является аналогом мифического предка «мировое дерево», растущее корнями вверх, макушкой вниз, что находит выражение в лексемах об. С *ädroz'igu* 'повиснуть'; об. Ч *edgu*, *edugu* 'висеть', 'повесить', 'свесить', 'повиснуть', 'провиснуть'; об. С, Ч, кет. *ǰdgu*, *ǰdigu* 'висеть', 'повесить': об. С *qaborgə ǰdjs ponen* 'рубашка висела на улице'; *ǰdet ǰaddəmus'am* 'повесь полотенце'. Дальнейшее семантическое развитие, связанное с лексемой *ad*, пошло в направлении выражения родственной связи по отцовской линии. Оно проявилось в терминах родства кет. *ad'u*, *až'u* 'мать отца', 'бабушка (по отцовской линии)'; об. Ш, вас. *ad'a* 'отец': вас. *ad'akənde m'embad* 'он отцу отдал'; 'брат': об. Ш *manan'i azet ad'ant kvangu* 'к брату моего отца пойти'; 'дядя': об. Ш *aramb'i ad'am*, *m'eka m'el'el kodar* 'старый дядя, сделай мне удочку'.

Компоненты *sa-at*, *sa-od* (букв. мифический предок «земля»=женский дух), слившись воедино, привели к образованию слова *sād~sāt*, которое в качестве компонента вошло в структуру лексем: вас. *sat-əragu* 'окотиться'; ел. *sač-əmotqo* 'выскочить'; кет. *sat-algu*, вас. *sad-algu* 'забрести в воду'; об. С, тым. *sad-ǰrgu* 'бродить', а также *sadǰrle* 'вброд'. Они передают идею рождения, связанную с водой. Семантика первого компонента *sa-* 'мифический предок «земля»' является определяющей при последующих семантических переходах и сохраняет смысловое наполнение «земля как рождающее начало» – «волосатая земля» как реалия духовной культуры.

Завершая анализ лексемы *sadžu~sātču* 'лен (остяцкий)', обратимся к компоненту *-ču*, который можно соотнести с первым компонентом самоназвания *ču-gula* и который сохранил значение 'человек': ЮСС *ču* 'земляк' (иначе 'человек рода/племени, поклонявшегося мифическому предку *ču* «земля»'). Таким образом, реконструируем внутрен-

нюю форму фитонима *sattšu*, *satšu*, *satču* – букв. мифический предок «волосатая земля»=род/племя~человек рода/племени. Лексемы *sattšu*, *satšu*, *satču* отражают по сравнению с генонимом *saž-gum* более древнее языковое состояние в семантической системе языка. В результате затемнения внутренней формы слова *saž* 'род, поклонявшийся мифическому предку «мировое дерево»' и утраты функции этнонима к нему присоединяется слово с живым на данном историческом этапе значением 'человек'. Дух мифического предка «волосатая земля» обозначается иносказательно об. С *sažej* 'крепкий'; *sažan*, *sažan* 'крепко', 'сильно': *man sažan jewan* 'я – здоровый'. В данном случае ряд: *sad*, *sāt*, *saž*, *sot*, *sod*, *sōž*, *sōč*, *sōč*, *sōc* можно рассматривать в качестве древних этнонимов, дальнейшее функционирование которых стало возможным в результате присоединения слова *ču* со значением 'человек'. Для фитонима *sadžu~sātču*, в котором, по поверью, «живет» дух предка, восстанавливается этнонимический источник происхождения.

Данные проведенного анализа позволяют увидеть в становлении первого компонента генонима *sažgum* следующий путь семантических переходов: мифический предок → род, поклоняющийся данному мифическому предку → человек своего рода → дух предков рода → растение, в котором «живет» дух предков рода (тотем). Ассоциативная связь сохраняется благодаря материальному совпадению слов, обозначающих мифического предка, род и растение. Вследствие выветривания семантики одного из компонентов генонима его преемственность сохраняется благодаря присоединению лексемы с живым значением 'человек'. На пути семантических переходов встречаем такое слово, как тым. *sōčka* 'орех кедровый', 'кедровая шишка' (символ плода ребенка в чреве матери).

2. Геноним *sojkur* 'остяк'. Первый компонент лексемы ел. *soj-kur* в синхронии материально совпадает с лексемой об., кет., ел. *soj* 'шея', 'горло', 'голос', 'ручей', 'исток', 'протока'. Полагаем, что его фонетический облик преобразовался в результате звуковых изменений и ранее состоял из компонентов *so-aj* (*sa-oj*, *sa-uj*). Компоненты *sa-oj* равно, как и *sa-at*, *sa-od* были изначально самостоятельными словами, и первый из них имел значение 'мифический предок «земля»'.

Значение компонента *aj* восстанавливаем исходя из общего семантического содержания трех рядов: 1) *al*, *äl*, *ol*, *öl*, *el*, *ul*, *il*, *əl*, *il*, *ij*; 2) *al'*, *ol'*, *ul'*, *öl'*, *ül'*; 3) *aj*, *oj*, *uj*, *üj*, *ij*, *ij*. В трехступенчатом противопоставлении звуков *l/l'/j* заложена разная степень проявления семантического признака «неустойчивость». Дополнив анализируемый материал словами со сходными значениями: тым. *sol'* 'шаг'; тым. *sulže* 'назад', 'домой', 'дома'; об. Ч

hulže ‘назад’, ‘домой’, ‘на сторону’: hulže pal’žimbǵu ‘на сторону взглянуть’, где hul также имеет значение ‘шаг’, видим, что семантические деривации, поддерживаемые фонетически, идут в направлениях: «шаг в сторону», «шаг назад», «шаг вниз», ср. тым. äl’be ‘в сторону»; об. С ula ‘мимо»; тым. sulže ‘назад»; об. Ч il’l’eka ‘пониже»; кет. ül’ž’it ‘подошва’.

Семантический признак «неустойчивость» лег в основу наименований частей человеческого тела: 1) ‘голова’: ел. olə, ol’; 2) ‘шея’: об. Ч ol’, sol’, hol’, hoj; ел. soj; вас. hol, hol’; 3) ‘пуповина’: об. Ч h’öl’ž’; об. С s’ojga, sül’c’, sūj; кет. sūja. Отметим, что состояние неустойчивости переходит на уровне проявления действия духа в состояние стабильности, ср. об. С sultuwatku ‘рассердиться’, ‘надуться»; sultalžugu ‘обидеть (заставить надуться)’ и sul’dz’igu, sul’č’egu ‘успокоить’, ‘стихнуть’ (о ветре, болезни человека): nom sul’č’ej ‘ветер стих’. Высокая степень проявления состояния стабильности заложена в лексемах с ауслутным j, ср. soj ‘речка’, ‘исток’, иначе ‘равномерное движение’. Максимальная степень проявления такого состояния заложена в лексемах об. С sūjbaja, sūjraja ‘самка’, иначе ‘носительница пуповины’.

Ауслутные звуки l, l’, j находятся в условиях противопоставления и на фоне составленных рядов выделяют женский дух в разных проявлениях: женский дух моего рода (al) / женский дух рода, в который можно отдавать в жены женщину моего рода (al’) / женский дух рода, в который можно отдавать в жены дочь женщины породненного рода (aj). Внутреннюю форму компонента soj < so-aj можно трактовать следующим образом: мифический предок «земля»=женский дух (отдаленно породненного рода). Десемантизация второго компонента -aj, сокращение его внешней формы обусловили присоединение к лексеме soj слова kup ‘человек’, продлив «жизнь» генониму в форме sojgur.

Отметим, что у энцев в XVII в. был известен род сойта (со-йта, со-эта) [11, с. 178]. В селькупском генониме sojgur усматривается имя того же мифического предка so-j-gur (букв. мифический предок «земля»=высший дух=человек).

Представленный анализ фактического материала позволяет увидеть в становлении первого компонента генонима soj-gur следующий путь семантических переходов: мифический предок породнившегося (через дочь) рода → род, поклоняющийся данному мифическому предку → человек данного рода → дух предков рода. Дух, покровительствующий человеку своего рода, «живет» в пуповине.

3. Этноним тур. šöl’kup. Лексема al ‘шаг’ помогает восстановить имя древнего племени, имеющего к описываемому этносу непосредственное отношение. Учитывая фонетические процессы, имевшие место в истории языка, а именно стремление к

монозвучию и переход двойных гласных в одинарный долгий гласный, мы восстанавливаем имя племени saal~šeal~šajl. Ауслутные звуки s~š находятся в условиях регулярных звуковых соответствий, ср. тур sak, об. Ш, Ч, тым., тур. šak ‘приблизительно’, ‘ростом с...’, ‘шириной с...’, ‘до чего-либо»; тым. sakod’a, об. Ш saqod’e; об. С šakod’a ‘селезень»; об. Ш saqqi; об. Ч, вас., тым. šaka, šakka, тым. šaqa ‘копыто»; об. С saqu, sako; вас. šakku ‘огниво’.

Имя племени, обитавшего за пределами рассматриваемого региона – Томской области, сохранилось в устной форме гидронима об. Ч Šaalgı, Šajlgı ‘р. Чай’ (приток Оби) (< Ša-al-ogı, букв. ‘мифический предок «волосатая земля»=женский дух=царь→ племя’). Представляется, что материнское племя с развитием экзогамии на закате эпохи матриархата распалось и положило начало родовым линиям – sel, söl, šel, šöl, šəl. Имена родов sel, söl, šel, šöl вошли в качестве первого компонента в структуру генонимов сев. selqur, sölqur, šölqur (имя племени перенесено на народ); лексема qur присоединилась вследствие утраты функции генонима и сохранила тем самым ему «жизнь».

Имя мифического предка «волосатая земля» проявляется в обозначениях: ел. söt ‘лес»; об. Ш, Ч, вас. šöt ‘лес’, ‘черный лес, растущий у реки’, ‘лес вокруг чума’, ‘тайга’, ‘луг’. Лексема al, как уже отмечалось, входит в один ряд с лексемами ul, el, əl. Они сохранились в структуре лексем тым. šiul, šeal; вас. šöäl ‘самка’, которые при морфемном членении на компоненты ši-ul, še-al, вас. šö-əl букв. означают «мифический предок «волосатая земля»=женский дух», ср. тым. šealsaq ‘самка глухаря’, и были в свое время этнонимами. На стыке некогда самостоятельных слов образовалось стечение гласных звуков. Оно сохранилось в ряде случаев в современных диалектах: вас. šöul, šöäl ‘пуп’, ‘зад»; šöulmı ‘зад мой болит»; тур. soal, ел. sool ‘молоток»; тым. šiumbugu ‘вспотеть»; šiümtəgu ‘закончиться’, ‘спадать жар». Древний геноним перешел в разряд послелогов: об. Ч šədaru šəl maž’elkula egađət ‘около двадцати человек было’.

Стремление к монозвучию привело к образованию лексем об. Ч sal; об. С salaŋ ‘ложка для гадания»; кет. sülmo ‘ложка для гадания’ (действие духа проявляется в лексемах об. С sultuwatku ‘рассердиться’, sul’č’igu ‘успокоить’), а также этнонима тур. söl’kup ‘селькуп, остяк’. Но на стыке гласных возможно появление протетических звуков. Данный процесс прослеживается на примере устойчивого словосочетания: тым. saql qadar ‘таежная сторона’, ‘южная сторона’ (sa-al > sayal > sagal > sakal > saqal > saql). Морфемное членение слов sakal, šakal на компоненты sak-al и šak-al и функционирование первых в качестве послелога позволяют предположить для лексем sak и šak имена древ-

них племен (ср. иранское племя саков, обитавшее примерно в I–V вв. в Южной Сибири, тесно контактировавшее с кетами и самодийцами [10, с. 59]. Послелог *sak* и *šak* имеют так же, как и *šəl* значение приблизительности: тур. *qıl kolod sak eņa* ‘яма с колодец’; об. Ч *tökbad m’iqənut čazat šak amdežəgu* ‘приходите к нам с часок посидеть’; тур. *ter čuruku šak lagessa* ‘он смеялся до слез’.

Результаты исследования показывают, что в структуру этнонимов входили компоненты ряда *al*. Что касается лексемы *el* (*el’*), то она имеет сходство с древнетюркским апеллятивом *эль/el* ‘племя’, ‘народ’, ‘люди’. По мнению Р. Г. Жамсарановой, это совпадение может означать бытование названия во время господства тюркоязычных племен [8, с. 30]. Отметим, что в современных диалектах лексемы *el*, *ela*, *illı* сохранились со значениями ‘душа’, ‘жизнь’. Лексический пласт, включающий самоназвания представителей селькупского этноса, открывает выход на древний этап истории других сибирских народов.

4. Геноним *riḡiḡikum* ‘остяк’. Начальный компонент самоназвания об. С *riḡiḡi-kum* ‘остяк’, ‘мужчина’ можно поделить на морфемы *riḡ-gi*. Третий компонент *-kum* присоединился после утраты внутренней формы второго компонента *-gi*.

Для выяснения семантического содержания первого компонента *riḡ-* рассмотрим лексический пласт, включающий слова со сходной внешней формой. Выделяем компоненты *r’ir*, *riḡ*, *b’er*, *r’er*. Мы встречаем их в структуре лексем тым. *r’erḡa* ‘высокий’; об. Ш, Ч, тур., ел. *r’ir* ‘рост’, ‘высота’, ‘высокий’, ‘высотой с’; об. Ш на *rō r’irentse mādiḡi riḡ* ‘это дерево высотой с дом’; *r’ir’*, *r’irə*: об. С *r’ir’*; об. С, кет. *r’irə* ‘рост’, ‘высота’; об. Ч *riḡiḡ* ‘высокий’. Для слова *r’ir* отмечается значение ‘место’, образовавшееся в результате расширения значения ‘место рода’: тым. *t’itl n’art r’iro* ‘тенистое болотистое место’; *kıtraḡ r’iro* ‘место около реки (букв. берег=место)’. Элементы *b’ir-riḡ* сохранились в селькупских фамилиях Пыр-сиков и Ирабир-ов, элемент *ber’* вошел в составное наименование *som-ber’-i* *kur* ‘шаман’. В елогуйском говоре лексема *riḡ* отмечена как междометие ‘На!’ (при обращении к собаке): *riḡ, m’itkel’d’et* ‘на, возьми!’. В этом говоре отмечено и такое значение слова *riḡ*, как ‘водяная собака’ (почитается в образе водяной медведки).

Экстралингвистический фактор, заключенный в пояснении, свидетельствует о том, что данное междометие является в действительности словом со значением ‘дух предка’ и используется в качестве эвфемизма при обращении к хозяину-духу. Исходя из контекста, им может быть собакоподобное существо. Действие духа *riḡ* проявляется в лексемах: ел. *riḡs’embıqo* ‘рычать’, ‘ворчать’; *riḡs’embıḡ’ij*

‘сварливый’. Компоненты *riḡ* и *r’ir* вычленяются в структуре эвфемизмов чаин. *riḡlaj* ‘лохматый’; ел. *r’irn’ej* ‘кудрявый’, ‘кучерявый’. К этому же ряду относится лексема *r’irn’a* ‘крест’ (приспособление для сушки рыбы в виде изделия, напоминающего косматую голову). В одном из этих значений лексема вошла в наименование месяца кет. *r’ir-läl tüte irret* ‘март (с пояснением: на одной ноге обшитая мехом лыжа, на другой – голица)’. Наименование месяца ‘март’ в кетском диалекте буквально означает ‘дух предка=костлявый (ср. об. Ч, вас., тым. *lıḡ* ‘костлявый’)=карась=месяц’.

Лексемы *riḡ* и *r’ir* имеют разные сферы употребления. Лексема *riḡ* сохранилась только в отмеченных случаях, лексема *r’ir*, напротив, получила в языке широкое распространение. Она перешла в разряд местоимений и известна как возвратное местоимение ‘себя’, сохраняет способность принимать падежные формы: об. С *tar qurgung r’iremt warıḡ* ‘он себя гордо ведет’. Эту функцию лексема сохраняет в сочетании с личными и возвратно-личными местоимениями *oneq* ‘я сам’, *onž* ‘ты сам’, ‘он сам’, которые приобретают значения: ‘самого’, ‘самого себя’, ‘друг друга’: об. С *rō r’irımd kaembat qorse* ‘дерево покрыто (букв. себя покрыло) корой’; об. Ш *mat oneq r’irem r’inawat aza tōḡnar* ‘я себя виноватым не считаю’; *na qulalan onž r’irland nadıḡnat* ‘у этих людей друг друга любят’. Полагаем, что местоимение развилось на базе значения слова *r’ir* ‘дух предка’ как эвфемизм. Сказанное позволяет выделить для начального компонента *riḡ-* древнего генонима *riḡiḡi* значение ‘дух мифического предка, выступающего в виде зооморфного божества’.

В тюркской этнонимии отмечаются самоназвания с финальным компонентом *b’er*, они встречаются у западных народов. Э. Ф. Чиспияков считает, что этноним с элементом *b’er* попал к тюркам через самодийское и угорское посредничество. Со ссылкой на мнение А. П. Дульзона, он отмечает также, что на юге Западной Сибири обитали самодийские и угорские племена, до этого уже ассимилировавшие индоевропейцев – иранцев и тохаров [9, с. 39]. В цитируемой работе Э. Ф. Чиспияков анализирует два этимона для слова *b’er* – ‘сын’ и ‘волк’. Селькупский языковой материал свидетельствует в пользу второго. По данным носителей языка, предком одного из племен считается большая черная собака, но это также мог быть волк либо серебристый лис – у каждого рода свой тотем.

К сфере сакральной лексики следует отнести лексемы *raḡ* и *roḡ*, отличающиеся от *riḡ* гласным корня. Им еще присуще значение ‘дух, живущий вне тела человека’: об. Ч *roḡ’i* ‘амбарчик для духов’, ‘дух-идол’ (вырезанное на дереве лицо); ел. *roḡ-ge* ‘могила’. Кроме того, они вычленяются в

структуре слов: тым., вас. тур. *paŋ-g'e*; ел. *poŋ-g'e* 'идол', 'шайтан (дух, который живет между небом и землей)'; вас. *poŋtış* 'пошел' (при обращении к медведю; второй компонент *tış* материально совпадает с компонентом местоимения об. Ш *tışter* 'вас' и свидетельствует об уважительном отношении к зверю-тотему). К этому лексическому кругу относится также лексема *paŋg'e-l'ak* 'река' (< *paŋg'e-l'ak*, букв. неприкаянный дух=кольцо, ср. об. Ш, Ч *l'ak* 'кольцо', другим значением слова было 'племя', ср. экзоним *l'ak'i* (так называли селькупов соседние народы).

Второй компонент древнего генонима *riŋ-gi* образовался в результате метатезы и восстанавливается в виде *-ig*. Такое восстановление возможно с опорой на сопоставление со словосочетанием чаин. *пыр гом* (*piŋ gom*) 'высокий человек'. При общем первом компоненте *riŋ* данные лексические единицы различаются вторыми – *-ig* в первом случае, *gom* – во втором. Но именно это и дает возможность предполагать для компонента *ig-igi* значение, функционально близкое значению 'человек'. В связи с его утратой развивается значение «дух предков» и появляется необходимость присоединения слова с живым значением 'человек'. Ассоциативные связи лексем «высота», «высокий» перемещают обозначаемый объект на небо, поэтому речь может идти о добрых духах.

Если слово *gom* сохраняет на данном этапе функционирования языка свое живое значение 'человек', то для лексемы *igi* восстанавливается значение 'дух предка'. Именно в этом значении она вошла в составные наименования об. Ч *iŋa i* 'внук', *iŋa ne* 'внучка', в которых указывает на статус предка рода. Таким образом, *riŋ-gi* воспринимается как мифический предок рода (букв. дух предка=царь → племя/род). Для подтверждения данного значения слова *ig-igi* составим ряд: *aga*, *iŋa*, *jŋa*, *iŋi oŋa*, *oga*, *oka*, *uga*, *eŋe*, *eŋə*, *iŋi*, *iŋa*. В первом варианте оно сохранилось в самостоятельном употреблении: кет. *aga* 'брат', 'старший брат'; во втором – об. С *iŋa* 'сын (при обращении)': *iŋa*, *udoŋ tiŋet* 'сын, руки мои развяжи' вошла в составные наименования об. Ш, Ч, вас. *iŋa i* 'внук', *iŋa ne* 'внучка'. Кроме того, в варианте *iŋa* слово имеет значения: 'ребенок', 'мальчик', 'юноша', 'зять', 'брат'. Они указывают на исходное значение 'человек (в молодом возрасте)', соответственно, варианты вас. *eŋe*, *eŋə*, *iŋa* имеют значения 'человек' (в пожилом возрасте), 'отец'.

Указанные элементы лексико-семантической системы подверглись в связи с особой сакрализацией обозначаемого объекта табуированию. Они стали использоваться в тех случаях, когда подразумевалось обращение к духу предков, и сохранились как отрицательные частицы: вас. *aŋa* 'не',

'нет': *qweŋ aŋa qadadenŋa* 'рыба не ловится'; *tab aŋa č'ur'elba* 'он не заплакал'; тур. *iŋi* 'не', а также в качестве отрицательной частицы в сочетании с императивными формами: об. Ч, вас., тым. *ög*, *ögi*: об. Ч *odomt ög noŋaleŋ* 'руку не протягивай'; вас. *ögi qatelbet* 'не стучи'; об. Ч *eg töšpeš* 'не приходи'; *egi qurk ponet* 'не бегай на улице'; об., кет., вас., тым. *əg*: об. Ш *əg omdaqŋ* 'не садись'; об. Ч *qundat əgə qwaŋaq* 'далеко не ходи'; вас. *iŋi*: *kunaj iŋi koŋaeš* 'никуда не ходи'; об. Ч *iŋi tärbešk* 'не горюй'; тур. *iŋi*: *oŋombiŋiŋi iŋiŋiŋi iŋi n'enner'eš* 'на шумливых детей не сердись'. Полагаем, что все элементы обозначали связь с духом-хозяином рода от самого высокого сословия «отец небесный», «царь» до низкого сословия «отец». В вариантах *oŋa*, *oga*, *uga*, *oka* эта связь имеет прочную основу в виде управляющей и направляющей силы, ср. кет. *oŋalŋiŋi* 'научить', 'выучить', 'приручить'; тым. *uŋlalŋiŋi* 'учить'; *okačŋu* 'обучать'. Разные возрастные этапы нашли отражение в лексемах: кет. *aga* 'старший брат' (с сохранением связи с предком и презентацией силы, мощи), ср. вас. *ägild'iŋu* 'устрашать', 'пугать'; об. Ш *ägilŋu* 'заикаться'.

Дальнейшее семантическое развитие идет в направлении ослабления связи: об. Ч *ögelŋu* 'перетереть (веревку)', 'перетереться'; *öŋulŋumbuŋu* 'слушать', 'слушаться', 'подслушивать'; *üŋalŋu* 'затихнуть', 'сморкнуться', 'успокоиться'. Как показывает фактический материал, изначально данными лексемами обозначался особо почитаемый объект обращения. Гипотетически его значение можно передать как «царь», «правитель» с последующим изменением значений в направлении: «отец», «человек в пожилом возрасте», «брат», «человек в молодом возрасте» и др.

Звукокомплексы *oŋa*, *oga*, *oka*, *uga*, *iŋa*, *jŋa*, *iŋi*, *eŋe*, *eŋə*, *iŋi*, *iŋa* передавали базовые понятия. Вектор словотворчества был направлен в сторону означивания основных понятий духовной культуры. Словообразование соответствовало модели: высший дух=царь (правитель, богатырь). На конкретном материале данный процесс выглядит следующим образом: кет. *koŋ-oga* 'порода', 'племя' (букв. мужской дух=царь (в расцвете сил); тым. *vaŋarutč* (< *vaŋ-aŋa-putč*) 'бобер' (букв. высший дух=царь (в расцвете сил)=богатырь); вас. *siŋ-iŋa* 'сорная трава' (букв. мифический предок=богатырь (в пожилом возрасте)). В генониме об. С *riŋ-gi-kum* 'остяк', 'мужчина' эта модель реализуется с первоначально финальным компонентом *igi* 'богатырь в пожилом возрасте → физический отец', что нашло отражение в социальном статусе об. С *riŋgi-kum* 'остяк', 'мужчина низкого сословия'.

Начальные компоненты рассмотренных генонимов свидетельствуют, с одной стороны, о сложных этнических процессах, имевших место на террито-

рии Сибири и на которые реагировал язык, с другой стороны, о сохранившемся в культуре этноса почитании предков, о тесной связи с прародительницей и поклонении тотему. Генонимы отражают определенные этапы на пути семантических дериваций при формировании лексико-семантической системы языка и позволяют выделять архетипы, определяющие духовную и материальную культуру этноса. В заключение отметим наличие в структуре древних этнонимов компонентов *al, ol'* ul

'женский дух' и *oʷa, oga, oka, uga* 'мужской дух'. Это различие дает возможность говорить о двух этапах, выделяемых в истории формирования этнонимии. Хронологически названия родов, включавших в качестве второго компонента лексему со значением 'женский дух', предшествовали такому с лексемой 'мужской дух'. Подойти к такому выводу стало возможным лишь при исследовании глубинных пластов лексики с учетом реализации фонетических законов языка.

Сокращения

Вас. – васюганский диалект, кет. – кетский диалект, ел. – елогуйский говор, об. С – обские говоры Сюсюкум, об. Ш – обские говоры Шешкум/Шешкуп, об. Ч – обские говоры Чумылькуп, тур. – туруханский говор, тым. – тымский диалект, чаин. – чаинский диалект.

Список литературы

1. Быконя В. В. Die uralischen Komponenten in den Selbstbenennungen der Selkuper // Тезисы секционных докладов X Междунар. конгресса финно-угроведов. Ч. 2, Лингвистика. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2005.
2. Быконя В. В. Фрагменты духовной культуры селькупов в наименованиях мифических образов // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 4 (55). С. 133–140.
3. Быконя В. В. Эвфемизация как средство формирования семантической системы селькупского языка // Там же. 2010. Вып. 7 (97). С. 77–83.
4. Соловьев В. В. К истории возникновения этнонима *зыряне* // Linguistica Uralica XXXIX. Tallinn, 2003. № 2. С. 92–93.
5. Атаманов М. Г. Еще раз о происхождении этнонима *удмурт* // Linguistica Uralica XLIII. Tallinn, 2007. № 2. С. 90–97.
6. Максимов С. А. Самоназвания удмуртов и бесермян, их варианты, названия соседних народов в языке удмуртов и бесермян // Linguistica Uralica XLIV. Tallinn, 2008. № 2. С. 108–118.
7. Жамсаранова Р. Г. Об основных этнонимах бурят // История языка – история народа: сб. статей. Чита, 2004. С. 97–101.
8. Жамсаранова Р. Г. Этнонимы и генонимы хори-бурят: лингво-историческое исследование. Чита РИК ЧитГУ, 2009. 226 с.
9. Чиспияков Э. Ф. Язык, история, культура тюрков Южной Сибири. Кемерово, 2004. 436 с.
10. Чиспияков Э. Ф. К истории языков народов Алтая и прилегающих к нему районов. Новосибирск, 2006. 97 с.
11. Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970. 270 с.

Быконя В. В., доктор филологических наук, профессор.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

Материал поступил в редакцию 08.02.2011.

В. В. Быконя

WAYS OF FORMATION OF SELKUP GENONYMUMS AND THEIR REFLEXES IN THE LEXICO-SEMANTIC SYSTEM OF THE LANGUAGE

In the article the connection of names of Selkup kins with names of mythical ancestors is presented. It is found out that a name of a mythical ancestor becomes a centre of a semantic group of words to the extent of which semantic derivations occur. The connection of a kin with its mythical ancestor is kept; by means of the name of a kin it is given to a representative of a flora or fauna and continues its existence as a totem.

Key words: *the Selkup language, genonymum, mythical ancestor, semantic derivation, tatoo.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.